

С РАБОЧЕГО СТОЛА УЧЕНОГО

УДК 003.345 ББК Ш04

Е. Н. Бекасова
Оренбург, Россия

«СЕМЕНА ДУХОВНЫЕ» (ЮБИЛЕЙНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению славянской письменности как ментального и культурного феномена, в рамках которого складываются традиции почитания книг, определяющие цели и задачи славянского и русского просвещения.

Ключевые слова: деятельность Кирилла и Мефодия, славянская азбука, книжность Древней Руси, первая точно датированная печатная русская книга Апостол 1564 г. Ивана Фёдорова.

E. N. Bekasova
Orenburg, Russia

«SEEDS SPIRITUAL» (ANNIVERSARY REFLECTIONS)

Abstract. Article is devoted to consideration of Slavic writing as mental and cultural phenomenon within which there are traditions of honoring of the books, the defining purposes and problems of Slavic and Russian education.

Keywords: Kirill and Mefodiy's activity, the Slavic alphabet, knizhnost of Ancient Russia, the first precisely dated printing Russian book the Apostle of 1564 of Ivan Fyodorov.

И списаша книги многи, ими же поучашеся вѣрнии люди наслаждаются ученья божественнаго. Яко же бо се некто землю разореть, другый же насѣть, ини же пожинають и ядят пищу бескудну, — тако и се. <...> а мы пожинаемъ, ученье приемлюще книжное.

Повесть временных лет, лето 1037 [ПВЛ: 66]

но имам убо <...> вмѣсто же житныхъ сѣмень — духовная сѣмена по вселеннѣй разсѣвати и всѣмъ по чину раздавати духовную сию пищу.

Апостол 1574 г. Ивана Фёдорова [А 1574: 385]

Память отстаивает и сохраняет только достойное, и время поверяет его значимость. И пусть сейчас гремят разные юбилеи — корпоративно громкие, сиюминутно фальшивые, проплаченные, навязанные, формально обязательные — и, как правило, обречённые на забвение. В Памяти на столетия остаются *события*, которые определяют наше *бытие* в прошлом, настоящем и будущем. В 2013–2014 гг. удивительным образом сошлись такие великие даты.

1150 лет создания первой славянской азбуки, которая особенно важна для осознания единства славян, несмотря на всю трагичность сегодняшнего раскола даже восточнославянских народов. Несмотря на изломы судьбы, эта дата — память всех славян — православных, старообрядцев, католиков, атеистов — об ослепительной культурной вспышке зарождения оригинального славянского письма. У нас нет другой более славной, культурной, древней и великой общей даты, чем создание письменности для всего «словѣньска племени». Возникновение «*грамоты славянскои*» убеждает нас в том, что ментальность славян произрастала и укреплялась родством словесных рядов «*слово — слава — славяне*» [6, 32], «*язык / народ — язык — родина*».

900 лет величайшего творения древнерусских книжников — «*Повести временных лет*», которая стала «*исходищем мудрости*» для оригинальной древнерусской литературы, в которой утверждались кирилло-мефодиевские традиции почитания книжного и стремления к просвещению.

450 лет первой точно датированной русской печатной книги — Апостола 1564 г. первопечатника Ивана Фёдорова, показавшей не только техническую мощь и красоту книгопечатания, но и великий труд справщика, сумевшего очистить текст от многочисленных разночтений времени. С Апостола 1564 г. «*семена книжные*» рассеиваются с немислимой для рукописания скоростью и позволяют раздавать «*духовную пищу*» всей вселенной.

Все эти даты — общеславянские, восточнославянские, русские — звенья одной цепи развития человечества, познающего слово устное и слово книжное как *свет* дневной, как великий путь к просвещению.

«*В начале бѣ Слово...*» — так начинает свое повествование святой апостол и евангелист Иоанн. Библейский текст полон таинственности и безграничной мудрости, позволяющей читать «*Книгу книг*» бесконечно, всматриваясь в её бездонную

глубину. Может, для людей верующих местоимение *Он* — «*Все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть*» (Иоанн, 1, 2–14) — заменяют имя *Бог*, однако филологу ближе мысль, что под ликом абстрактного и разноименного местоимения подразумевается *Слово*, которое до этого евангелист Иоанн чётко определяет: «*Слово бѣ Бог*». Но для самой знаменитой из созданных человечеством книг — Библии важно не разъединение смыслов, а наоборот, их соединение, а значит и объединение людей, которых так важно предостеречь от категоричности поверхностного восприятия Слова, заставить заглянуть в его глубины и задуматься...

Для славян (и язычников и христиан) Слово всегда было необыкновенно важным. Об этом свидетельствует сама этимология наименования этноса — тесно связанные родственными узлами *слава* — *слово* — *слух*, ведь *слава* может разноситься только через *слово* — восславление и восприниматься *слухом*.

Древнейшие письменные памятники восточных славян, которые с особым трепетом и почитанием относились к письменному слову, называются Словами. Неслучайно первое из дошедших до нас оригинальное произведение в составе точно датированного памятника древнерусской письменности — «Изборника» 1076 г., — называется «Слово о почитании книжном». Краткое до афористичности своеобразное предисловие древнерусского книжника открывает сборник поучений, которыми должен руководствоваться человек в жизни. В нём утверждается одна из основ славянской ментальности — почитание книг, и до сих пор в русском языке не утрачена родственная связь слов *честь*, *почитать*, *читать*, *читать*. Окажем и мы честь этим словам тысячелетней давности, вдумаемся в них и «поразумеем» их силу.

Добро есть, братие, почитание книжное. Егда чтеши книги, не тешиши ся бързо шитисти до другая главизны, нь поразумѣи, что глаголють книги и словеса та, и тришеды обраштя ся о единой главизнѣ. Реку же: узда коневи правитель есть, и въздержание праведнику же книга. Не съставишь ся корабль без гвозди, ни праведникъ бес почитания книжнаго. Красота воину оружие и кораблю вѣтрила. Тако и праведнику почитание книжное. Коль сладка словеса твоя паче меда устомъ моимъ, и законъ устъ твоихъ паче тысяща злата и сребра. Възрадою ся азъ о словесехъ твоихъ. Яко обрѣтохъ недостоинъ сы такъ даръ, еже ми ся поучати словесемъ твоимъ днь и ношь. То мы, братия, поразумѣимъ и послушаемъ разумныма ушима, и поразумеемъ силу и поучение книгъ [Изб. 1076: 1–3 об.].

Одно из первых оригинальных произведений древнерусской литературы, созданное между 1037 и 1043 гг., знаменитое «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, произнесённое им перед Ярославом Мудрым, его семьёй и княжеской дружиной в только что построенной Софии Киевской, повлияло на становление и развитие собственных литератур славянских народов. Спустя век появляются лирические и проникновенные «Слова» Кирилла Туровского. Через четверть века после «Слов» русского златоуста, причисленного к лику святых за искусство витийства, мировая литература пополнится шедевром русской древней поэзии — «Словом о полку Игореве».

В Повести временных лет — уникальном памятнике мировой литературы, летописном своде, где книжники в течение многих десятилетий сводили всю имеющуюся у них информацию от сотворения мира по летам, в статье под 1037 годом летописец Нестор писал: «*велика бо бываетъ польза от учения книжного; книгами бо кажемъ и учимъ есмы пути покаяню, мудрость бо обрѣтаемъ и въздержанье от словес книжныхъ. Се бо суть рѣки, напаяюще вселеную всю, се суть исходища мудрости, книгамъ бо есть нешцетная глубина*» [ПВЛ: 66]. Доведший до такого совершенства труды своих сподвижников, что любая русская летопись открывалась вначале Повестью временных лет, описывающей мировую и русскую историю до 1113 г., почитаемый за своё книжное подвижничество как святой, летописец Нестор утверждал одну из главных истин: слово устное стоит у истоков человечества, а слово письменное, книжное — у истоков цивилизации.

Важность для славян Слова подтверждается тем, что Византия с целью упрочения своей власти над славянами пыталась их крестить. Ещё император Василий I желал «склонить славян оставить свои обычаи и сделать их греками». Однако славяне-язычники не желали принимать веру на греческом языке и постоянно восставали против византийской власти. Досаждали и восточные славяне. «Вещий» Олег в честь победы неоднократно прибывал щит на вратах Царьграда — богатейшей столицы второй половины священной Римской империи. Повесть временных лет свидетельствует: в 907 году Олег с двумя тысячами кораблей осадил город и не смог взять его с моря, и тогда повелел своим воинам поставить корабли на колёса. И когда поднялся попутный ветер, дружина Олега подняла в поле паруса и двинулась на Царьград. Потрясённые греки сдались, оправдывая свой испуг тем, что перед ними не Олег, а святой Дмитрий, посланный на них Богом.

В Византии очень рано поняли, что из славян греков не сделаешь: славяне не откажутся от своего языка, ибо в нём слились два понятия — язык — народ и язык — слово народа. Для славян невоз-

можно было «славословие божие» на чужом, непонятном им языке, поэтому было решено сделать славян христианами, дав им веру на славянском языке. Приблизительно с 820 г. с санкции высших светских и церковных властей, заинтересованных в обуздании варваров-славян, живущих на территории Византии и за её пределами, начались поиски алфавитной системы, отражающей специфику славянской речи. Однако работа по созданию славянской письменности продвигалась с трудом, потому что даже теперь, в современных условиях развития лингвистической науки, на создание письменности требуется десятилетний труд больших научных коллективов.

Только в 863 г братья-византийцы — Кирилл и Мефодий приступили к переводам Библии на славянский язык. Символично, что, создав *«тридцать писмен и восемь в соответствии со славянской речью»*, Кирилл первыми «сложи писмена и нача беседу писати евангельскую» от Иоанна: *«Въ начале бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога, и Слово бѣ Богъ»* [Сказание 1981: 87].

Слово, Славяне и Бог скрестились в своем сакральном смысле.

Глубоко гуманистическое по своему характеру убеждение Кирилла о праве славян на собственную письменность не укладывалось в рамки обычной миссионерской деятельности, тем более, что за просвещение славян солунские братья положили свои жизни. Сам выбор первых переведённых текстов Священного Писания, а впоследствии и всей Библии способствовал эффективному просвещению славян в специфическом для средневековья понимании этого термина. В Средние века только через служение Богу человек мог служить народу духовно и умом — как продолжатель и создатель культурных ценностей. Именно это воодушевляло Константина, который восстал против кружка интеллектуалов своего учителя, будущего патриарха Византии Фотия, считающего греков «избранным народом», а латинский язык «варварским». Идеи учителей славянских народов о равенстве народов и их праве на письменность были настолько чужды церковным иерархам, что в византийских источниках IX в. нет ни одного упоминания о деятельности солунских братьев. Однако почитание первоучителей, удостоенных высокого звания святых первоапостольных Кирилла и Мефодия становится важнейшей составляющей не только славянской письменности, но и культуры славян, потому что именно благодаря просветительской деятельности Кирилла и Мефодия славяне узнали *«силу букв»* и *«истолкования книжных слов и их разума»*. Для славян, особенно восточных, обрётённый благодаря святым Кириллу и Мефодию общий книжный язык — грамота славянская — укрепляет духовную связь между разошедшимися по бескрайним просторам славянскими племенами и по-

зволяет *«притеся к велицѣм языцѣм»* — людям Книг: иудеям, римлянам, грекам.

Переводная литература обогатила русское общество и культуру множеством множеством религиозно-философских и социально-политических идей, историко-географических и естественно-научных сведений, облегчила древнерусским книжникам освоение традиционных для всего средневековья жанров, распространённых сюжетов, эстетических представлений. Но в отличие от своих предшественников древнерусские книжники проявляют и самостоятельность в отборе и переводе византийских и иных памятников. Пристальное внимание было обращено на торжественную проповедь, историографию, агиографию не только аскетов, но и князей. На Руси появляются светские памятники, которые отсутствовали в болгарской литературе: природоведческий «Физиолог»; переработка византийского эпоса о Дигенисе Акрите — «Девгениево деяние»; библейская, римская и византийская, египетская, вавилонская, иудейская история в духе церковных представлений — хроники Георгия Амартола (IX в.), Иоанна Малалы Антиохийского (VI в.), «Повесть о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия; произведение об Александре Македонском — «Александрия» (V–VI вв.); «Христианская топография» Козьмы Индикоплава, плававшего в VI в. в Индию (содержала экономические, географические и исторические сведения о восточных странах); поучения мудрого наставника Акира (в виде притч и афоризмов) молодого царя — «Повесть об Акире Премудром» (VII в.) и др.

Всё это свидетельствует о том, что древнерусские книжники в своих поисках и в своём понимании книжного просвещения выходят за пределы традиционного (преимущественно церковно-учительного) книжного обмена, принятого в границах греко-славянского культурного мира [Бекасова 2013].

Овладение книжным богатством становится в Киевской Руси задачей государственного значения. Князь Владимир сразу же после крещения киевлян: *«нача ставити по градом церкви и попы, и люди крещенье приводити по всѣмъ градом и селомъ. По славъ, нача поимати у нарочитые чади дѣти, и даяти нача на ученье книжное. Матере же чадъ сихъ плакахуся по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но акы по мертвецю плакахся. Сим же раздаяномъ на ученье книгамъ, сбытсья пророчество на Русьтѣй земли, глаголющее: «Во оны дни услышатъ глуши словеса книжная, и яснь будетъ языкъ гугнивыхъ»*. [ПВЛ: 53].

Последнее высказывание представляет контаминацию двух цитат из книги пророка Исаии [35.5; 32.4], которые соединяются отсутствующими в первоисточнике *«словеса книжная»*. Исаия пророчествует о царствии Божиим на земле, когда «сердце

легкомысленных будет уметь рассуждать; и косноязычные будут говорить ясно», «откроются глаза слепых, и уши глухих отверзнутся». Интересно отметить, что в «Житии Константина» также имеется указанная вставка, наличие которой существенно меняет высказывания Исайи. Смысл не в ликвидации физических недостатков, а в просвещении: «словеса книжная» отверзают уши глухих и делают речь ясной. И если в «Житии Константина» это тесно связано с переводами «церковного чина» и обучением учеников «и утрне, и часам, и обедне, и вечерне, и повечерию, и тайной молитве» [Сказание 1981: 87], то есть акцентируется внимание на том, что славяне восприняли ученье Божье на понятном им, славянском языке, то в Повести временных лет речь идёт о письменной, книжной культуре в широком значении и её следствиях — «на Русьтѣй земли» благодаря «словесам книжнымъ» устанавливается благоденствие.

К середине XI в. при Ярославе Мудром, который «книгамъ прилежя, и почитая е часто в ноци и въ дне», на Руси книжное дело процветало. В статье под 1037 годом летописец с гордостью писал, что Ярослав «собра писцѣ многы и прекладаше от грекъ на словѣньское письмо. И списаша книги многы, ими же поучащяся вѣрнии людѣе наслаждаются ученья божественного». Именно при нём, по мысли летописца, проросли семена учения книжного, посеянные Владимиром: «Яко же бо се нѣкто землю разореть, другый же насѣть, ини же пожинають и ядять пищу бескудну, — тако и съ. Отець бо сего Володимир землю взора и умягчи, рекше крещеньемъ просвѣти. Съ же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людей; а мы пожинаем, ученье приемлющее книжное» [ПВЛ: 66].

К XII в. Киевская Русь располагала такими книжными богатствами, которые сделали её хранилищем почти всех письменных памятников, переведённых славянами за два века. Она сохранила памятники, навсегда исчезнувшие у болгар, сербов и чехов.

Многие литературные памятники были возвращены не только славянам («Кормчая», «Синодик», «Пчела», «Палея»), но и грекам: восточные славяне сохранили и обработали в своей рукописной традиции переводы исчезнувших греческих оригиналов — византийского эпоса о Дигенисе Акрите («Девгениево деяние») и повесть об Акире Премудром.

Интенсивное развитие книжного дела переживает «золотой век» и семена книжные взошли сторицею: грамотность населения Киевской Руси во много крат превосходила средневековую Европу. Достаточно вспомнить сына Ярослава Мудрого Всеволода, женатого на гречанке императорского рода, который, «дома сѣдя, изумѣяше 5 язык, в томъ

бо честь есть от инѣхъ земля» [ПВЛ: 102]. Видимо, это были, помимо восточнославянского, бесспорно греческий, половецкий, а также какие-либо из вероятного списка языки: латынь, немецкий, венгерский, литовский, болгарский, торческий, касожский, «скандинавский». Известный собиратель древнерусских книг и издатель памятников письменности А. И. Мусин-Пушкин, укоряя русское общество конца XVIII — начала XIX вв., справедливо замечал: «Праотцы наши хотя не ездили толпами в чужие края для мнимого просвещения, однако не можно заключать, чтобы она языков иностранных не знали, а тем паче на природном своем худо изъяснялися. Отец мой, пишет Владимир, дома сидя, умел говорить на 5 языках; — довод сильный против тех, кои праотцов наших почитает невеждами» (цитируется по: [ПВЛ: 520]).

Дочь Ярослава Мудрого, королева Франции Анна, в отличие от европейских неграмотных женщин и таких же невежественных правящих особ могла «явить царственную руку на троне», то есть читать и подписывать государственные бумаги (сохранилась её подпись: *Анна рѣина* — Анна регина (королева). При этом её отец в приданое дал 4 рукописные книги, в том числе знаменитое так называемое Реймское евангелие.

Внук Ярослава Мудрого и сын полиглота Всеволода, просвещённый русский князь Владимир Мономах, оставил нам свое удивительное «Почтение» мудрого правителя, рачительного хозяина, заботливого отца и азартного охотника, которые исследователи ставят в один ряд с шедевром мировой литературы — «Словом о полку Игореве» [Робинсон 1980: 216; Лихачев 1975: 111–131].

К счастью, сохранились и уникальные берестяные грамоты — записки и письма бытового характера, которые доносят до нас мысли, чувства, потребности самых обычных древнерусских людей XI–XV вв. Что только не писали наши предки! Здесь и хозяйственные указания, различные просьбы, семейные проблемы, конфликты, коллективные челобитные, азбуки, молитвы, заговоры, загадки, шутки.

Интересны грамоты, свидетельствующие о широком распространении грамотности в Древней Руси. Одно из доказательств — известные упражнения в письме шести-семилетнего новгородского мальчика XIII в.: рядом с буквами начала азбуки и слогами маленький новгородец рисует людей, всадника, поражающего врага, сказочного зверя, на котором и оставляет свой автограф — *поклон от онфима* [здесь и далее ссылки на сайт *Древнерусские берестяные грамоты*]. Гордей в начале XII в. пишет своим родителям: *продав двор идите в Смоленск или Киев. Дешев хлеб. Если же не идете, то пришлите мне грамотицы, здоровы ли вы*. Новгородец Жизномир почти в то же время обращается к Микуле: *А ныне пошли-ка тому мужу грамоту, есть ли у него*

рабыня. А Яков просит кума и друга Максима: *Купи мне овса у Андрея, ежели продаст. Возьми у него грамоту. Да пришли мне чтения доброго*. При эшироко была распространена грамотность среди женщин. В подтверждение достаточно привести грамоту № 955 Троицкого раскопа, написанная Милушей, которая уже известна исследователям по трём новгородским грамотам. Анализируя текст грамоты, А. А. Зализняк и В. Л. Янин отмечают: «Она рисует нам довольно яркую сцену из древненовгородского быта. Видно, с какой удивительной легкостью женщины той эпохи прибегали к письменной форме общения. Милуша виделась с Мареной ещё вчера, когда они обсуждали какое-то дело, связанное с двумя гривнами (например, Марена могла обещать эти две гривны Милуше за что-то, или она взяла их у Милуши в долг на один день и т. п.). А уже на следующий день Милуша об этом пишет» [Зализняк, Янин 2006: 8].

Великий наш летописец Нестор в самом начале XII в. запрограммировал на много столетий вперёд одну из важных составляющих человеческого развития: *велика бывает человеку польза от учения книжного...*

Веками собиралась и сохранялась мудрость, идущая от просветителей славянства. Работа многих поколений поддерживала энергию книжных текстов, создавая постоянно пополняемую сокровищницу идей и слов, из которой произрастала культура и книжность.

Веками соблюдалась традиция тяжёлого, бескорыстного труда книжника-пахаря — от первоучителя Кирилла, который, *«уходя на суд божий, сказал Мефодию, брату своему: „Вот, брат, были мы с тобой парой в одной упряжке и пахали одну и ту же борозду, и я на поле падаю... Не оставь учительство своё“»* [Сказание 1981: 97]. Значимость деятельности книжного оратора и сеятеля подчёркивается и в Повести временных лет: именно он даёт будущим поколениям возможность пожинать неоскудевающие плоды их учительства. Но на смену одним *«достойным и совершенного разума учителям»* приходят другие, которые *«через скорби и беды» «множае умножают слово»* [А 1574: 389] во всей «вселенной», чтобы *«не были все народы и племена слепыми и глухими»* [Сказание 1981: 89]. Неизбывная вера Кирилла, Мефодия, Нестора и Ивана Фёдорова и многих славянских книжников в

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Елена Николаевна Бекасова — доктор филологических наук, профессор Оренбургского государственного педагогического университета.

Адрес: 460000, г. Оренбург, ул. Советская, 19

E-mail: sakralist@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elena Nikolaevna Bekasova is a Doctor of Philology, Professor of Orenburg State Pedagogical University (Orenburg).

«неищетную глубину» книг, *«напаяющих вселенную всю»* была опорой славянского просвещения.

Но в новые, «просвещённые», века, по диагнозу А. С. Пушкина, «всё благородное, бескорыстное, всё возвышающее душу человеческую подавлено неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort)» [Пушкин 1994: 364], а «жажда новизны и сильных впечатлений» потребовала «толпу людей тёмных с позорными своими сказаниями», «бесстыдными записками», признаниями безграмотных палачей [Пушкин 1994: 178], ставших основой современного информационного пространства в желании насытить теперь уже и «жестокое наше любопытство» [Пушкин 1994: 179]. Так чем же будет направлена наша жизнь, если мы предадим забвению выработанную всем языковым и общекультурным развитием систему высоких человеческих ценностей — пищу духовную и неоскудеваемую, которая во все времена, даже самые мрачные и скорбные, сохраняла и направляла жизнь человека в его безостановочном стремлении к совершенству?

ИСТОЧНИКИ

А 1574 г. — Апостол Ивана Федорова. — Львов, 1573–1574.

Древнерусские берестяные грамоты: <http://gramoty.ru/index.php?act=full&id=25> (дата обращения: 10.03.2014).

Изб. 1076 г. — Изборник 1076 г. / под ред. С. И. Коткова. — М., 1965.

ПВЛ — Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку 1377 г. / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачёва / изд-е 2-е, испр. доп. — СПб., 1996.

Сказание о начале славянской письменности. — М., 1981.

ЛИТЕРАТУРА

Бекасова Е. Н. Генезис текста // Бекасова Е. Н., Москальчук Г. Г., Прокофьева В. Ю. Векторы интерпретации текста: структуры, смыслы, генезис: Монография. — М., 2013. С. 150–208.

Зализняк А. А., Янин В. Л. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2005 г. // Вопросы языкознания. № 3. — 2006.

Лихачёв Д. С. Великое наследие. — М., 1975.

Пушкин А. С. Собрание сочинений в пяти томах. — Т. V. — Санкт-Петербург, 1994.

Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе Средневековья (XI–XIII в.). — М., 1980.

Трубачёв О. Н. В поисках единства. — М., 1992.